

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СПЛОЧЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

2015

Москва

Университетская книга

УДК 316.45
ББК 60.55
С69

Издано при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта
14-18-03784 Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях
российских реформ: концептуализация и квалиметрия

Авторы

Баранова А.А. (гл. 8), Волкова Е.Д. (гл. 7), Гофман А.Б. (гл. 1), Карпова Е.Ю. (гл. 7),
Козлова М.А. (гл. 7, 10), Кононенко Р.В. (гл. 7), Лазебная К.П. (гл. 5), Маркина В.М. (гл. 9),
Николаева У.Г. (гл. 3), Николенко Я.В. (гл. 7), Покровский Н.Е. (гл. 4), Присяжнюк Д.И. (гл. 8),
Рожкова О.А. (гл. 9), Симонова О.А. (гл. 2, 6), Слободенюк Е.Д. (гл. 7),
Ярская-Смирнова В.Н. (гл. 8), Ярская-Смирнова Е.Р. (гл. 8).

С69 Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах:
коллективная монография / под ред. Н.Е. Покровского, М.А. Козловой. – М.:
Университетская книга, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-98699-197-9

Обсуждаются подходы к концептуализации категории социальной сплоченности. Анализируется история ее использования в социальных науках, в частности в русской социологической традиции. Сплоченность проблематизируется в контексте современного российского общества через обращение к категориям солидарности, инклюзии, дезинтеграции и конфликта. С опорой на эмпирический материал раскрывается конфигурация факторов и разнообразие форм сплоченности в российском контексте, анализируются механизмы и факторы интеграции и разобщенности на разных уровнях социальной организации и коммуникации.

Для ученых и специалистов в области социологии, особенно изучающих эволюцию социальных идей, актуальное состояние и перспективы развития современных обществ. Может использоваться в учебном процессе при подготовке социологов, культурологов, а также студентов социально-гуманитарного профиля. Представляет интерес для интеллектуальных кругов читателей.

ISBN 978-5-98699-197-9

УДК 316.45
ББК 60.55

© Коллектив авторов, указанных
на обороте титульного листа, 2015
© Университетская книга, 2015

Оглавление

Вступительное слово. Социальная сплоченность как многообразное явление и ключевой принцип современного общественного развития	5
Раздел 1. Сплоченность как объект теоретико-социологического анализа	8
Глава 1. Концептуальные подходы к анализу социального единства	8
Глава 2. Современные дискурсы и исследования социальной сплоченности: обзор основных тенденций	23
Глава 3. Индивидуализм и/или социальная сплоченность. Анализ моделей Homo economicus и Homo sociologicus в экономике и социологии	43
Раздел 2. Сплоченность в русской социологической мысли	88
Глава 4. Концепции солидарности и сплоченности в русской социально-философской традиции: социальное учение П.А. Кропоткина	88
Глава 5. Социокультурное единство в контексте теории «символического» П.А. Сорокина: сплоченность, интеграция, когерентность	106
Раздел 3. Моральные аспекты сплоченности	134
Глава 6. Моральные эмоции и социальные объединения	137
Глава 7. Многообразие моральных ориентиров как основание типологии форм социальной сплоченности	156
Раздел 4. Социальные практики инклюзии и сплоченности	198
Глава 8. Социальная инклюзия и сплоченность в школьном образовании: политика и практика	200

Раздел 5. Репрезентация сплоченности и инклюзии в публичном пространстве	233
Глава 9. Типы групповой сплоченности в аспекте анализа стратегий репрезентации Других в печатных СМИ на примере мигрантов	238
Глава 10. Просто о непростом: репрезентация инклюзии и сплоченности в учебной книге	264
Литература	291
Сведения об авторах	318

Вступительное слово

Социальная сплоченность как многообразное явление и ключевой принцип современного общественного развития

Выступая интегральной частью современной трактовки гражданского общества, проблематика социальной сплоченности волнует ученых и политиков как развитых, так и развивающихся стран в различных регионах мира. Приоритеты социальной сплоченности отвечают потребностям людей как в аспекте персонального развития, так и ощущения групповой идентичности, объединяют и примиряют между собой ориентиры индивидуальной свободы и социальной солидарности, экономической эффективности и справедливого распределения ресурсов, плюрализма и единых правил мирного урегулирования конфликтов.

Социальная сплоченность выступает сегодня как стратегической целью международных организаций, так и фундаментальной категорией социальной политики в целом ряде стран. Эта тема оказалась предметом дискуссий глобальных форумов, состоявшихся в течение последних 15–20 лет на всех континентах, где, тем не менее, внимание часто обращалось на противоречивость дискурсивного контекста сплоченности. Сложность концепта сплоченности, многообразие и противоречивость форм усложняют учет социокультурной специфики в современных подходах к оценке социальной сплоченности и роли неформальных норм и институтов в процессах внедрения и воспроизводства ценностных оснований сплоченности. Представляемая в настоящем издании трактовка видовых понятий плюралистична и гибка, что, как надеются авторы, становится потенциальной основой для преодоления указанных ограничений.

Авторский коллектив в своей работе опирается на представления о том, что базовые ориентиры и смыслы сплоченности не едины в разных странах, регионах, группах и сообществах. Представленный в разделе 1 теоретический анализ направлен на углубление концепции многообразия видов сплоченности, выявление конфигурации факторов интеграции и разобщен-

Глава 7. Многообразие моральных ориентиров как основание типологии форм социальной сплоченности

Разнообразие и многогранность феномена сплоченности непосредственно ставит вопрос о возможностях его изучения по унифицированным программам. Глава посвящена обсуждению типологии форм социальной сплоченности, построенной по принципу дифференциации моральных компонентов сплочения. Прежде всего, рассмотрим влиятельные в современной западной науке теории морали, положенные в основу разработанного нами инструментария качественного исследования сплоченности в разных социальных группах. Далее приведем результаты проведенных эмпирических исследований и в заключение представим уточненную типологию форм социальной сплоченности, построенную на основе разнообразия форм группоориентированной морали.

Моральные основания сплоченности группы

Связующая – интегративная – функция морали, которая реализуется через утверждение общей системы правил и ожиданий относительно процесса, инструментов и результатов взаимодействия, традиционно оказывалась в фокусе социологического интереса¹, выступая в качестве силы, контролирующей и объединяющей членов общества и, тем самым, создающей социальную солидарность. Психологи же на протяжении длительного времени игнорировали эти соображения, традиционно ограничивая исследования морали областью непосредственных межличностных отношений. За рамками психологического подхода оставались как вопросы, связанные с моральными механизмами обеспечения солидарности в масштабе крупных социальных общностей, так и поиск культурно-специфичных и универсальных аспектов морали². Кросс-культурные исследования поставили под сомнение универсальность этапов морального развития

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 352 с.

² Kohlberg L. Moral development and identification / H. Stevenson (ed.). *Child Psychology: 62nd Yearbook of the National Society for the Study of Education*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1963. P. 277–332; Piaget J. *The Moral Judgment of the Child*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., 1932. [Le jugement moral chez l'enfant (1932)] / Available at: <http://bookfi.org/book/1147051> (accessed: 20.09.2015); Rest J.R., Narvaez D., Thoma S.J., Bebeau M.J. A Neo-Kohlbergian approach to morality research // *Journal of Moral Education*. 2000. Vol. 29. P. 381–395.

индивида¹, а исследование гендерных различий² – универсальность ориентации на норму справедливости, представлявшуюся в более ранних работах залогом поддержания и защиты индивидуальности и гармоничного сосуществования индивида с непосредственным социальным окружением³.

Потребность расширения представлений о границах моральной регуляции привела к осознанию необходимости и дисциплинарной интеграции. В результате обращения социальной психологии к социологическим и антропологическим теориям к «классическим» заботе и справедливости были добавлены еще три аспекта – «принадлежность к группе/лояльность», «власть/подчинение авторитету», «почитание священных для группы объектов»⁴, – которые могут быть обозначены как установления, формирующие социальную общность, так как порождаемые ими добродетели, практики и институты ориентированы на то, чтобы связывать людей вместе в иерархически организованных взаимозависимых социальных группах, которые способны регулировать повседневную жизнь и личные привычки своих членов (табл. 2). Именно эти аспекты становятся, в соответствии с авторитетной сегодня в области кросс-культурных исследований «Теорией моральных оснований»⁵, теми «знаменами», под которыми мораль позволяет группе спланироваться.

Базовый концепт «Теории» – «моральное основание» – раскрывается авторами через пять положений-признаков, которым должно соответствовать некое моральное установление⁶. Во-первых, оно должно одинаково пониматься значительным числом индивидов, рассматриваться как общая

¹ Fang G., Fang F., Keller M., Edelstein W. [et al.]. Social moral reasoning in Chinese children: A developmental study // *Psychology in the Schools*. 2003. Vol. 40. P. 125–138.

² Gilligan C. *In a different voice: psychological theory and women's development*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 184 p.

³ Miller J.G., Bersoff D.M. The Role of Liking in Perceptions of the Moral Responsibility to Help: A Cultural Perspective // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1998. Vol. 34. P. 443–469.

⁴ Haidt J., Joseph C. The moral mind: How 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules / P. Carruthers, S. Laurence, S. Stich (eds.). *The Innate Mind*. NY: Oxford, 2007. Vol. 3. P. 367–391.

⁵ Haidt J., Graham J. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize // *Social Justice Research*. 2007. Vol. 20. P. 98–116.

⁶ Graham J., Haidt J., Koleva S. [et al.]. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. 2014. Available at: <http://ecgi.ssrn.com> (accessed: 14.10.2015).

норма, позволяющая оценивать собственное поведение и действия других. Во-вторых, в отношении морального установления в арсенале индивидуального поведения должен быть представлен набор автоматических ответов на его нарушения. Третий критерий предполагает, что моральные основания должны быть широко распространены в различных культурах. В-четвертых, являясь врожденными, т.е. готовность реагировать на их нарушения должна быть генетически закреплена (это доказывается проявлениями реакции на ранних этапах онтогенеза и фиксации соответствующих реакций у приматов). И, наконец, моральные основания должны быть адаптивны в эволюционном отношении. Три последних критерия, мы полагаем, требуют пристального рассмотрения и доказательства. Само их содержание требует включения в рассуждения и аргументацию данных не только психологических, но и антропологических исследований морали. Обратимся к результатам антропологических и этологических исследований с тем, чтобы понять, носят ли предложенные Дж. Хайдтом с коллегами «спланивающие» моральные основания универсальный характер и, соответственно, является ли актуализация «почитания авторитета» и «ингрупповой лояльности» единственным моральным механизмом групповой сплоченности.

Таблица 2

**Функции моральных оснований (moral foundations)
в соответствии с теорией Дж. Хайдта**

Моральные основания	Функции
Забота (K. Gilligan)	Индивидуализирующие
Справедливость (L. Kohlberg)	
Ингрупповая сплоченность/лояльность к Своим	Обеспечивающие сплоченность
Власть/уважение к авторитету	
Нравственная чистота/почитание священных для группы объектов	

Антропологическая верификация моральных оснований

Мораль можно считать традиционным предметом исследования антропологии и этологии. Именно в рамках этих дисциплин зародились сомнения в правомерности применения предложенных авторами «Теории моральных оснований» критериев к тем моральным установлениям, которые были ими выделены.

Логика верификации моральных оснований предполагает поиск подтверждений «Теории» в разных типах обществ и в разные периоды человеческой истории, прежде всего – с опорой на археологические данные и результаты исследований этологов – в социальных системах, характерных для

ранних этапов человеческой истории¹, поскольку «исследование вопросов, касающихся агрессии, социального контроля, собственности, лидерства, использования пространства, и многих других параметров особенно значимо в этом социально-экономическом контексте»².

Повсеместное распространение в обществах кочевых собирателей и охотников ориентации на заботу о нуждающемся (в первую очередь о потомстве) и справедливости подтверждается данными антропологов³, также и в работах этологов находит подтверждение универсальность этих моральных оснований⁴.

Однако широкое распространение в группах кочевых охотников и собирателей норм, базирующихся на моральных основаниях, связанных с обеспечением групповой сплоченности и иерархии – «Ингрупповой лояльности», «Почитания авторитета», – не находит подтверждения. Так, антропологические данные о кочевых обществах охотников и собирателей опровергают предположение Дж. Хайдта о том, что вызванное межгрупповой конкуренцией формирование сплоченной коалиции, направленной против других групп, неизбежно и потому универсально. Во-первых, утверждают антропологи, состав кочевых сообществ не являлся неизменным⁵, для того же, чтобы ингрупповая лояльность могла сформироваться и тем более – закрепиться, членство в устойчивой группе должно быть четко определено. Напротив, разнообразные сети отношений, которые охватывают различные группы, паттерн входа-выхода (fission-fusion) и изменение группового состава с течением времени работают против развития ингрупповой лояльности, поскольку при таких условиях группа недолговечна. Более того, преданность индивидов друзьям и родственникам, в том числе и включенным в другие группы, формирует связи, которые развивают межгрупповые отношения дружбы и сотрудничества⁶. Эти особенности

¹ Там же.

² Bicchieri M. (ed.). Hunters and gatherers today. Prospect Heights, IL: Waveland, 1972. P. 3.

³ Hardy S.B. Mothers and others. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. 422 p.; Fry D.P., Souillac G. The relevance of nomadic forager studies to moral foundations theory: moral education and global ethics in the twenty-first century // Journal of Moral Education. 2013. Vol. 42. № 3. P. 346–359.

⁴ Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.

⁵ Fry D.P. The human potential for peace: An anthropological challenge to assumptions about war and violence. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 366 p.

⁶ Apicella C., Marlowe F., Fowler J., Christakis N. Social networks and cooperation in hunter-gatherers // Nature. 2012. Vol. 481. P. 497–502; Fry D.P. The human potential for peace: An anthropological challenge to assumptions about war and violence.

ли позволяет «развести» запрещающую и предписывающую мораль¹: первая – мораль социального порядка – ориентирована преимущественно на обеспечение выживания группы, вторая – мораль социальной справедливости – на рост благополучия.

Приоритет морали социального порядка, основанной на ценностях безопасности, требует от группы гомогенности и иерархичности, возведения непреодолимых границ, а от входящих в группу индивидов – высокой значимости групповой идентичности (определяющей маркеры тождественности), лояльности и конформности. В результате особенно весомой становится однозначная идентификация «Своих» и «Чужих» – тех, кто включен и кто не включен в группу, – что сочетается с бдительностью в поиске предателей. Таким образом, верность группе проявляет свою «темную сторону» – оправдание насилия, направленного на аутгруппы². Участие в конкретных формах поведения и, что более важно, подавление иных форм поведения и образа жизни, оцениваемого группой как «девиантный», имеет решающее значение для морали социального порядка. Напротив, мораль социальной справедливости, центрированная на обеспечении равенства доступа к ресурсам и распределения общественного блага, основана на признании общности целей, а не на идентификации с себе подобными, и, соответственно, допускает значительно большую степень внутригрупповой неоднородности и проницаемости границ.

Попытки соотнести две названные теории и постулируемые ими моральные основания групповой солидарности приводят к выводу о том, что связующие основания, обозначенные Хайдтом с коллегами, предполагают озабоченность, преимущественно безопасностью группы, поэтому соответствуют морали социального порядка (основанной на мотивации избегания и запретах). Хайдт, следуя Э. Дюркгейму, отмечает, что «мораль ограничивает людей и связывает их друг с другом для создания групп»³. Однако Дюркгейм, подчеркивая сдерживающие аспекты групповой морали, тем не менее, определил два пути, по которым общества могут быть «склеены» вместе: механическая солидарность, основанная на однородности, и органическая солидарность, для которой характерна взаимозависимость.

¹ Janoff-Bulman R. Conscience: The do's and don'ts of moral regulation // M. Mikulciner, P. Shaver (eds.). The social psychology of morality: Exploring the causes of good and evil. Washington DC: American psychological Association, 2011. P. 131–148.

² Leidner B., Castano E., Zaiser E., Giner-Sorolla R. Ingroup glorification, moral disengagement, and justice in the context of collective violence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. P. 1115–1129.

³ Haidt J. The new synthesis in moral psychology // Science. 2007. Vol. 316. P. 998–1002. P. 1000.

Современные социологические и социально-психологические исследования солидарности позволяют сделать вывод о возможности осуществления двух качественно различных стратегий формирования и поддержания групповой сплоченности¹.

Рассмотренные выше положения ведущих социально-психологических подходов к изучению морали позволили операционализировать разные типы моральных основ групповой сплоченности (табл. 3).

Эмпирическое исследование моральных основ сплоченности. Организация и методы исследования

На основе представленных в табл. 3 параметров операционализации группоориентированных моральных систем разработан гайд для проведения полуструктурированных интервью. Разработанный гайд включал следующие блоки:

1. Принадлежность. Идентичность. Блок включает вопросы, позволяющие установить спектр групп, с которыми индивид идентифицирует себя. По результатам раскрытия основных пунктов этого блока респондент определяет ту ключевую общность, в отношении которой будет строиться дальнейшее обсуждение.

2. Ценностно-ориентационное единство группы. Блок включает вопросы, ответы на которые позволяют составить «ценностный профиль» респондента и оценить степень субъективной близости индивидуальных ценностей ценностям группы, с которой респондент себя идентифицирует. В случае, когда репрезентация респондентом ценностных ориентиров группы и своих собственных обнаруживает существенные расхождения, а также в ситуации, когда респондент с трудом детализирует ценностные диспозиции свои и других, в качестве вспомогательного используется блок *Восприятие угрозы ценностям*, в который включены вопросы о гипотетических/реальных ситуациях, несущих, по мнению респондента, угрозу ценностям, и индивидуальных/групповых стратегиях совладания с подобными угрозами.

¹ Brewer M.B., Gardner W. Who is this "we"? Levels of collective identity and self representations // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. P. 83–93; Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist beliefs about social categories // British Journal of Social Psychology. 2000. Vol. 39. P. 127–139; Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Are essentialist beliefs associated with prejudice? // British Journal of Social Psychology. 2002. Vol. 41. P. 87–100; Ip G., Chiu C., Wan C. Birds of a feather and birds flocking together: Physical versus behavioral cues may lead to trait-versus goal-based group perception // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. P. 368–381; Rutchick A.M., Hamilton D.L., Sack J.D. Antecedents of entitativity in categorically and dynamically construed groups // European Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 38. P. 905–921.

свидетельствуют против утверждения межгрупповой конкуренции и преданности группе в качестве базовой формы социальной организации.

Развитие ингрупповой лояльности и аутгрупповой враждебности, безусловно, часто встречается, однако сформировались эти механизмы сплоченности относительно поздно – после освоения земледелия, распространения оседлости, появления социальной иерархии и т.п.¹ Таким образом, археологические данные согласуются с выводами антропологов относительно кочевых обществ охотников и собирателей, отвергая конкурентную модель межгруппового взаимодействия, отраженную в моральном основании ингрупповой лояльности.

«Теория моральных оснований» предполагает, что обязательной частью социальной организации приматов является социальная иерархия, и проявляется она в разных человеческих обществах: это моральное основание «часто срабатывает в межличностном взаимодействии и обеспечивает легитимность современных институтов, например, права, а также руководство и лидерство в различных областях»².

Однако, как отмечают приматологи, демонстрация доминирования весьма существенно различается у разных видов, что ставит под вопрос утверждение генетической укорененности власти/почитания авторитета как общего наследия приматов. В частности, два наиболее близких к человеку вида – шимпанзе и бонобо – заметно отличаются в проявлениях доминирования³.

В человеческих обществах вариативность проявлений власти и почитания ее очень высока: некоторые общества основаны на эгалитаризме, а другие – на иерархии. Но и антропологические данные о кочевых обществах охотников и собирателей опровергают гипотезу об универсальности механизма моральной регуляции ингрупповых отношений посредством актуализации моральных норм, связанных с почитанием авторитета. Кочевые общества просто не имеют иерархических социальных институтов и ролей, а иерархический социальный строй, отличающий древние царства или современные тоталитарные режимы, зародился относительно

¹ Ferguson R.B. Pinker's list: Exaggerating prehistoric war mortality / D.P. Fry (ed.). War, peace, and human nature: Convergence of evolutionary and cultural views. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 112–131; Haas J., Piscitelli M. The prehistory of warfare: Misled by ethnography / D.P. Fry (ed.). War, peace and human nature: Convergence of evolutionary and cultural views. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 168–190; Fry D.P. The human potential for peace: An anthropological challenge to assumptions about war and violence.

² Graham J., Haidt J., Koleva S. [et al.]. Op. cit.

³ Вааль де Ф. Указ. соч.

недавно¹. Общества же кочевых охотников и собирателей характеризуются высокой степенью личной автономии² и отсутствием авторитарных лидеров: в них «либо вообще нет лидеров, либо влияние лидеров очень искусно сдерживается, чтобы предотвратить использование влияния на приобретение богатства или престижа»³.

Таким образом, кочевые общества охотников и собирателей демонстрируют во всех случаях элементы кооперативной социальности – равноправие, самоуправление, участие, заботу; в то время как предполагаемые проявления моральных оснований ингрупповой лояльности и почитания авторитета – межгрупповая враждебность, четкие социальные различия, наличие авторитетных лидеров и иерархических институтов либо носят ситуативный и фрагментарный характер, либо не фиксируются вообще⁴.

Описанные факты заставляют предположить, что «почитание авторитета» и «ингрупповая лояльность» не являются «моральными основаниями», поскольку не соответствуют критерию универсальности, а значит, могут быть обнаружены и иные «группоориентированные» – направленные на процветание группы в целом – моральные системы, построенные на принципиально отличном фундаменте.

Поиск «фундамента»: альтернативные моральные основы сплоченности

Продолжая линию исследования интегративного потенциала морали, авторы «Теории моральных мотивов» утверждают, что моральные основания, указанные Хайдтом в качестве «связующих», – не единственные, способные обеспечить благополучие группы⁵. Суть различий между разными «группоориентированными» моральными системами состоит в доминирующей мотивации, на основании которой строится каждая из них: достижение против избегания. Поведенческая система, базирующаяся на мотивации избегания, чувствительна к наказаниям и негативным последствиям. Система, основанная на достижении, чувствительна к поощрениям и положительным результатам. Применение этих различий к области мора-

¹ Fry D.P. The human potential for peace: An anthropological challenge to assumptions about war and violence.

² Fry D.P., Souillac G. The relevance of nomadic forager studies to moral foundations theory: moral education and global ethics in the twenty-first century. P. 346–359.

³ Woodburn J. Egalitarian Societies // Man (N.S.). 1982. Vol. 17. № 3. P. 444.

⁴ Lee R.B., Daly R. Introduction: Foragers and others / R. B. Lee & R. Daly (eds.). The Cambridge encyclopedia of hunters and gatherers. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–9.

⁵ Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. Vol. 17. № 3. P. 219–236.

Эмпирические индикаторы моральных
основ групповой сплоченности

Таблица 3

	Мораль социального порядка (опора на основания «Ин- групповая сплоченность / лояльность к «Своим»» (1), «Власть / почитание авторитета» (2))	Мораль социальной справедливости
Базовая мотивация	Запрет/избегание	Активация/достижение
Основа существования группы	Внешняя: противостояние угрозам, конкуренция с другими группами (1)	Внутренняя: единство ценностей, интересов и целей членов группы, взаимозависимость/хорошие межличностные отношения, симпатия (для малой группы)
Цель	Защита группы: стабилизация либо преодоление актуального состояния неблагоприятия	Рост благополучия и счастья членов группы; развитие, процветание группы
Концепция группы	Эссенциалистская: гомогенность, непроницаемость границ (1)	Агентивная: гетерогенность, проницаемость границ
Основа целостности группы	Групповая идентичность, конформность (2)	Взаимозависимость, признание общих целей
Сфера морального контроля	Образ жизни, индивидуальное поведение	Распределение благ
Структурные аспекты сплоченности	Определенность знаков группового членства и правил поведения. Выраженная внутригрупповая иерархия (2)	Равенство
Отношение к аут-группам	Подозрительность, агрессивность, страх смешения (1)	Толерантность, открытость
Стратегия межгруппового взаимодействия	Конкуренция, избегание взаимодействия (1)	Сотрудничество

3. Определенность и проницаемость групповых границ. Этот блок включает вопросы о сложности/легкости вхождения в группу, механизмах и ритуалах «инициации», маркерах групповой принадлежности. К этому же блоку относятся вопросы, ответы на которые позволяют развести формальные и неформальные формы сплоченности.

4. Радиус сплоченности. Блок включает вопросы, позволяющие охарактеризовать отношение к представителям ин- и аутгрупп, определить когнитивную и эмоциональную составляющие представлений респондента об индивидуальном и групповом окружении, выделить разные степени доверия по отношению к различным социальным объектам. Продолжением становятся вопросы блока

4.1. Отношение к «Своим» и «Чужим». Вопросы блока позволяют более тонко и дифференцированно охарактеризовать когнитивные и эмоциональные аспекты идентификации «Своих» и «Чужих», а также раскрыть поведенческие практики, реализуемые в отношении представителей ин- и аутгрупп.

5. Удовлетворение потребностей индивида в группе (мотивационная сплоченность). Включает вопросы, позволяющие выявить мнения респондентов о потенциальных возможностях группы в целом и отдельных ее представителей удовлетворять индивидуальные потребности членов группы в распределении личной ответственности, в контроле над средой, в эмоциональном контакте, положительном эмоциональном подкреплении, в любви¹.

6. Динамические аспекты сплоченности:

6.1. Лояльность по отношению к группе. Блок включает вопросы, позволяющие описать факторы, побуждающие индивида оставаться в составе группы, выявить когнитивные и эмоциональные аспекты привлекательности группы реальной и воображаемой.

6.2. Интрагрупповая дифференциация. Блок включает вопросы о гомогенности группы в представлении респондента и характере отношений внутри сообщества.

6.3. Межгрупповые отношения. Ответы на вопросы блока позволяют дифференцировать стратегии межгруппового взаимодействия, как желаемые, так и реальные, в соответствии с представлениями респондента, описать представленную в сознании респондента историю и перспективы межгруппового восприятия и взаимодействия.

7. Структурные аспекты сплоченности. Вопросы блока позволяют раскрыть представления респондента о формальной и неформальной структуре группы, описать разного рода символические конвенции, обеспечивающие групповую сплоченность и сохранение/трансформацию структуры: знаки группового членства, правила поведения (приемлемое и неприемлемое), статусные отличия, полномочия.

¹ Thompson H.L. An Overview of Element B: Behavior A FIRO-Based Instrument, 2000 / Available at: http://www.thesweden.se/files/FIRO-overview_element_b.pdf (accessed: 29.11.2014).

Описанный гайд был использован для проведения полуструктурированных интервью в двух исследованиях, объединенных общей целью – выявление наличия сплоченности в разных сообществах и определение ее форм. Выборку первого исследования составили представители молодежного фольклорного движения, выборку второго – люди, имевшие опыт отбывания наказания в исправительных учреждениях закрытого типа. Выбор сообществ, на примере которых уточняется типология форм сплоченности, обусловлен принципиально различными механизмами их формирования – принудительность против добровольности, что с необходимостью сказывается на характере индивидуальных и групповых целей, а также механизмов формирования групповой идентичности, а как показывает проведенный анализ теорий морали групповой сплоченности, именно целевые аспекты существования группы определяют характер групппоориентированной морали.

Ни социальное движение, ни категорию, безусловно, нельзя считать группой, если под группой понимать «некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе»¹, или «относительно устойчивое объединение людей, имеющее общие социальные признаки; как непрерывный диалог, в ходе которого его участники наблюдают, осмысливают намерения друг друга и реагируют на них»². В большей степени, планируя эмпирическое исследование, мы ориентировались на концепт «референтной группы». Референтная группа уже в работах Дж. Мида трактовалась как источник социального опыта индивида³. Р. Мертон, развивая теорию референтных групп, определил их как «сообщества, представляющие интересы, установки, ценности, на которые ориентируются индивиды; такие группы, к которым индивид может принадлежать или не принадлежать, но на которые он ориентируется в формировании установок и конструировании своего поведения»⁴. Р. Мертон приходит к выводу, что по своему функциональному назначению все референтные группы выступают как «нормативные» (те, что представляют и поддерживают стандарты поведения и оценок для данного индивида⁵) и «сравнительные» (те, которые обеспечивают систе-

¹ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.

² Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective or Method. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. 208 p.

³ Mead G.H. Mind Self and Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1934. 401 p.

⁴ Merton R.K. Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science / H.J.O. Gorman (ed.). Surveying Social Life. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 1998. P. 181.

⁵ Мертон Р.К. Референтная группа и социальная структура. М.: Ин-т молодежи, 1991. 256 с.

му координат для сравнения и оценки себя самого и других). Эти функции выступают для нас в качестве необходимых и достаточных атрибутов группы, поскольку именно ценности и моральные нормы социальной сплоченности составляют фокус нашего исследовательского интереса.

Ценностные основания сплоченности: кейс молодежного фольклорного движения. Предметное поле исследования

В многонациональном государстве, где важную роль играет национально-культурная самобытность народов и их отношение к духовному и материальному наследию, массовые представления о культурных традициях группы становятся основанием солидаризации. В последние десятилетия тема культурной идентичности в современном российском обществе стала одной из наиболее востребованных и популярных, что подтверждается возрастанием интереса к традиционным культурам как на частном, так и на государственном уровне. Идеология мультикультурализма и принципы толерантного отношения к представителям всех этнических групп презентируются в качестве основы укрепления государственного единства и целостности России, о чем свидетельствует Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹. Однако тот же интерес к аутентичным культурным формам актуализирует процесс формирования культурной идентичности за счет осознания различий одной культурной группы от других и сегментирования культурного пространства Российской Федерации. Другими словами, культурное наследие народов России и культурная идентичность выступают основаниями как сплочения культурных групп, так и возможного разделения единого культурного пространства России.

Описанные процессы сопровождаются активизацией сотрудничества представителей культуры различных регионов и акторов культурной политики России. Одно из наиболее масштабных по своей численности и географии сообществ с богатой полувековой историей – молодежное фольклорное движение. Основные акторы движения являются членами государственных и общественных организаций, среди которых самые известные – это Государственный центр русского фольклора (ГЦРФ) Министерства культуры РФ², Российский фольклорный союз³. Эти организации осуществляют

¹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Эл. ресурс: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 16.04.2015).

² Государственный центр русского фольклора (ГЦРФ) Министерства культуры России / Эл. ресурс: <http://folkcentr.ru/> (дата обращения: 25.04.2014).

³ Российский фольклорный союз / Эл. ресурс: <http://www.folklore.ru/> (дата обращения: 25.04.2015).

корням», к «деревенской» культуре стало своеобразным ответом на популяризацию существовавших в то время народных хоров и ансамблей народной песни и танца, занявших твердую позицию современных преемников фольклора. Многие участники движения разделяли идеологию «оживления традиции» и для этого старались найти благоприятные условия для исполнения традиционного материала в городских условиях. Культурный поворот к поиску целостности русской культуры нашел отражение в появлении фольклорных коллективов, основной целью которых стало изучение и сохранение традиционной аутентичной культуры в условиях городского пространства. Фольклорное движение получило свое распространение в городах и республиках бывшего СССР.

Как отмечает Н. Жуланова, «кульминацией первого этапа молодежного фольклорного движения стал XV студенческий музыкальный фестиваль «Фольклор и современность», проведенный в Ленинградской консерватории в апреле 1982 г. Именно тогда ансамбли впервые почувствовали свою общность, осознали себя единой общественно-культурной силой (собственно «фольклорным движением»)»¹.

С течением времени движение начало расширяться и вовлекать не только музыковедов и хореографов, но и «любителей» – людей разных профессий и музыкального образования, «экспериментаторов», сочетающих в своем творчестве несколько музыкальных стилей. Активная деятельность фольклорных коллективов по привлечению участников, мода на патриотизм, транслирование идей по возрождению и сохранению традиционной культуры в культурной политике страны, коммерциализация культуры – все эти трансформации повлияли на состав фольклорного движения, сделав его гетерогенным, и дифференцировали направленность фольклорных коллективов. Границы молодежного фольклорного движения расширились, а образ участника движения, или фольклориста, стал более размытым. В этих условиях обострилась необходимость формирования и поддержания сплоченности как фактора коллективной идентичности в сообществе за счет следования идеологии, так и ценностно-ориентационного единства, т.е. осознания целостности сообщества на основе определенных свойств его представителей и их отличий от представителей других групп.

Исследование основано на анализе полуструктурированных интервью, проведенных с представителями разных поколений фольклорного движения (N = 20). Разнообразие фольклорных коллективов позволяет говорить о различных направлениях деятельности ансамблей, где выбор направления зависит от руководителя коллектива. Использованы интервью с участниками московских и региональных фольклорных кол-

¹ Жуланова Н. Указ. соч. С. 107–133.

лективов: г. Москва (N = 7), г. Екатеринбург (N = 2), г. Нижний Новгород (N = 4), г. Тверь (N = 1), г. Волгоград (N = 2), г. Саратов (N = 2), г. Самара (N = 1), г. Подольск (N = 1). Описание выборки представлено в табл. 4.

Состав выборки исследования

Таблица 4

№	Профиль	Род деятельности, образование	Фольклорный коллектив(ы)
1	Ж, 32 года	Высшее экономическое	«Ромода» и «Сибирская песня» (Москва)
2	Ж, 39 лет	Высшее	«Дербеневка» (Москва)
3	Ж, 24 года	Высшее социологическое	«Дербеневка» (Москва)
4	М, 24 года	Высшее	Специалист по русской пляске в Студии русского танца (Москва)
5	М, 31 год	Высшее физико-математическое и экономическое	«Казачий круг» (Москва)
6	Ж, 32 года	Высшее	«Дербеневка» (Москва)
7	Ж, 25 лет	Высшее	(Москва)
8	Ж, 20 лет	Средне-специальное музыкальное	«Звонцы» (Екатеринбург)
9	М, 24 года	Высшее проф. музыкальное	Руководитель казачьего ансамбля «Сокол», ведущий студии традиционных танцев «Спляшемся», ведущий Казачьей студии владения шашкой «Пернач» (Екатеринбург)
10	Ж, 47 лет	Высшее	Руководитель ансамбля «Синий Лен» (Нижний Новгород)
11	Ж, 17 лет	Среднее (выпускница Лицея)	«Синий Лен» (Нижний Новгород)
12	Ж, 16 лет	Среднее (выпускница Лицея)	«Вечора» (Нижний Новгород)
13	Ж, 19 лет	Среднее (2-й курс вуза)	«Вечора» (Нижний Новгород)
14	М, 37 лет	Ведущий детского кружка по исполнению на традиционных музыкальных инструментах	«Межа» (Тверь)
15	Ж, 28 лет	Высшее проф. музыкальное	Руководитель коллектива «Степь», участница коллектива «Станица» (Волгоград)
16	М, 19 лет	Незаконченное высшее	Участник коллектива «Степь» (Волгоград)
17	Ж, 25 лет	Высшее филологическое	Руководитель любительской группы «Отрада» (Саратов), в прошлом участница «Забавы» (Саратов)
18	М, 21 год	Высшее историческое	«Забавы» (Саратов)
19	М, 31 год	Высшее	Руководитель фольклорного ансамбля «Вольница» (Самара)
20	Ж, 35 лет	Балетмейстер центра «Истоки» г. Подольск	«Истоки» (Подольск)

Рассмотрим последовательно содержательные и структурные аспекты сплоченности молодежного фольклорного движения с тем, чтобы в заключении сделать вывод о моральных основаниях и соответствующем типе сплоченности.

Содержательные аспекты сплоченности молодежного фольклорного движения

В отличие от инструменталистской логики политических движений, в случае фольклорного движения речь идет об экспрессивной логике¹, которая просматривается в лейтмотивах интервью о «целостности традиции». Идея целостности традиции в мировоззрении участников движения связана с романтическими представлениями о гармонии, «ладе» сельской жизни, а также с культурной памятью, воплощенной как в «объективированных формах» (актуальных материальных объектах), так и в ритуалах и сакральных действиях как институционализированных формах коммуникации².

Культурная память фольклорного движения понимается участниками как память о культуре прошлого, существующая в актуальных практиках, в качестве значимого компонента этой культуры ими выбирается «этническая», «деревенская» культура, преваляровавшая в России до начала XX в., до массовой урбанизации и появления новой советской культуры. Утерянная предыдущими поколениями этническая идентичность актуализируется, укладывается в основу построения жизненных стратегий³. Несмотря на признаваемую размытость понятия «фольклор», участники создают символические классификации «своих» и «чужих». Символический обмен в ходе коммуникации между членами группы позволяет им выстраивать коллективную идентичность, основанную на сходных практиках. Для укрепления сплоченности используются как традиционные, так и современные средства коммуникации. Жизненный мир современного участника фольклорного движения подразумевает участие в событиях, связанных с исполнением традиционной народной музыки со сцены и в быту. Визуальность, перформативность практик жизненного стиля оказывается

¹ Штомика П. Указ. соч.

² Арнаутова Ю. Культура воспоминания и история памяти. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Круть, 2006 / Эл. ресурс: http://ec-dejavu.ru/c-2/Cultural_Memory.html (дата обращения 16.10.2015).

³ Бредникова О. «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) / В. Воронков, Е. Здравомыслова (ред.). Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 13–17 ноября 1996 г.). Вып. 5. СПб.: ЦНСИ, 1997. С. 70–74.

важной для передачи смыслов отличительности, которая предполагает моменты инсценировки и событийности.

Культурная память формируется на основе чувства связи с русскими, жившими в прошлом, и подкрепляется контактами в экспедициях с деревенскими жителями, которые воспринимаются как носители традиции. Поддерживается данная составляющая культурной памяти через заимствование и циклическое повторение традиционных праздников, которые становятся точками концентрации воспоминаний о традиционной культуре и установления связи с ней. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет о конструировании традиции даже в том случае, когда коллектив исполняет фольклорный материал, взятый из одного конкретного села¹.

Участники фольклорного движения разделяют общие принципы и ценности сообщества:

«В этом коллективе просто мы, потому что, типа так любим это дело, мы за идею» (И16). «Ребята молодцы, что поддерживают народную культуру, и это течение должно обязательно развиваться. Лично мое мнение, я считаю, что дистанцироваться нельзя от таких людей, наоборот, людям надо помочь осознать, что это такое» (И17).

«Романтизация традиционной культуры» – идеализация культурных образцов устного народного творчества (песни, танцы, ремесла), образа жизни и присущих нашим предкам ценностей – способствует поддержанию идеологии. Культурная память, формируясь в процессе коллективных действий участников движения, становится ресурсом их групповой идентичности, сплоченности и стержнем накапливаемого социального капитала.

Таким образом, ключевой ценностью, определяющей направленность сообщества – как сам факт его появления, так и развитие, – можно считать внимательное отношение к деревенскому фольклору как к материалу, важность точности воспроизведения и комплексности подхода к изучению и исполнению.

Еще одним специфическим ценностным основанием сплоченности рассматриваемого сообщества выступает разделяемая миссия просвещения. Представляя фольклор публике, участники движения профессионализируются и начинают выступать специализированными медиаторами народной музыкальной культуры для населения². При этом данная задача понимается не только как популяризация фольклора, но и как вклад в поддержание, воз-

¹ Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 47–62.

² Kirshenblatt-Gimblett B. Folklorists in Public: Reflections on Cultural Brokerage in the United States and Germany // Journal of Folklore Research. 2000. Vol. 37. № 1. P. 1–19.

профессиональную деятельность в области сохранения, изучения и популяризации русской традиционной культуры и культурного наследия, в частности русского фольклора и фольклора других народов России. Их усилия направлены в том числе и на социальную интеграцию участников сообщества, что способствует более успешному выполнению целей и задач молодежного фольклорного движения. Многие фольклорные мероприятия проходят при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, что свидетельствует об эффективной коммуникации участников фольклорного движения с представителями власти¹.

В ходе становления государства-нации фольклор из «народной культуры» трансформировался в «высокую культуру», передаваемую не путем непосредственного взаимодействия в первичных группах, а в процессе формального обучения². В периоды обострения социальных противоречий, в условиях внутривластных конфликтов на повестку дня выходили локальные языки и фольклор, которые привлекались лидерами движений для укрепления сплоченности группы, выступавшей против доминантной системы ценностей; изобреталась, внедрялась традиция³.

Исследования массовых коллективных мобилизаций, основанных на ценностях культурной аутентичности, важны для осмысления противоречий формирования идентичности в постсоциалистических странах и должны учитывать культурный и политический контекст ренессанса национализма и роль академической науки, изучающей этнические традиции⁴. Фольклорное движение в работе анализируется в контексте организованных коллективных усилий, которые способствуют или препятствуют социальным изменениям⁵. Нацеленность на изменения в области убеждений,

¹ Примером может служить петиция Министру культуры РФ В.Р. Мединскому с благодарностью и признательностью за содействие в продвижении народной традиционной культуры [Петиция Министру культуры РФ Мединскому В.Р.] / Эл. ресурс: <http://www.change.org/ru/петиции/министру-культуры-рф-мединскому-владимиру-ростиславовичу-продолжение-политики-по-сохранению-народной-традиционной-культуры-россии> (дата обращения: 25.04.2014).

² Геллер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 322 с.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47–62.

⁴ Hann Ch. Epilogue: The Cartography of Copyright Cultures Versus the Proliferation of Public Properties / E. Kasten (ed.). Properties of Culture – Culture as Property. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004. P. 289–304.

⁵ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 163.

ценностей и норм позволяет отнести это движение к типу «социокультурных», с «отрицательным вектором», в терминах П. Штомпки¹. Такие движения, согласно С. Бенхабиб², можно определить как «борьбу за признание», «движение за идентичность и особость», «за культурные права».

Согласно П. Бурдьё, членство в сообществе дает участникам реальные или потенциальные ресурсы, «опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова»³, т.е. социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгоды, работая на репутацию и доверие и функционируя в соответствии с нормами взаимодействия в социальных сетях. Формирование внутренней сплоченности сообщества осуществляется на основе общей культурной идентичности⁴.

На примере коллективов-участников молодежного фольклорного движения рассмотрим механизмы формирования и поддержания сплоченности на основе групповой идентичности и ценностей, разделяемых сообществом.

«Молодежное фольклорное движение» сформировалось в рамках «новой фольклорной волны» в 1980-е гг. и было ориентировано на освоение традиционной, в первую очередь песенной, сельской культуры⁵. Название «молодежное фольклорное движение» является условным – это самоназвание разных типов музыкальных, музыкально-хореографических, музыкально-театральных ансамблей, состоящих в основном из городской молодежи, репертуар которых был основан на фольклоре народов СССР⁶. Эти ансамбли и студии начали исполнять песни и танцы, записанные у жителей деревень и сел в месте их бытования⁷. Появление интереса к «собственным

¹ Там же.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.

³ Бурдьё П. Социология социального пространства / Эл. ресурс: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (дата обращения: 05.05.2014).

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. 458 с.

⁵ См.: Гавриляченко Е. Фольклорные волны и молодежное фольклорное движение в России // Обсерватория культуры. 2007. № 4. С. 79–83; Жуланова Н. Молодежное фольклорное движение / Л.П. Солнцева (ред.). Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х годов. Гос. ин-т искусствознания РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 107–133.

⁶ Андреева Е. Фольклорное движение как культурный феномен второй половины XX века // История и современность. 2013. № 2. С. 214–232; Жуланова Н. Указ. соч. С. 107–133; Гавриляченко Е. Указ. соч. С. 79–83.

⁷ Определение, данное участниками фольклорного движения.

рождение или формирование социальной сплоченности на уровне российского общества в целом¹.

В дополнение укажем изначально латентные, но в последние два десятилетия вышедшие на передний план жизненные принципы: семейные ценности, уважение к старшим, семейно-дружественная форма общения:

«У них, в городе *** мужской коллектив, у них такое отношение друг к другу, да и к друзьям, – как родственные» (И4).

На основе разделения индивидами этих ценностей происходит и принятие, и исключение из группы. Рассмотрим детально роль ценностей в сплочении сообщества через их роль в процессе самоидентификации участников.

Популяризация традиционной русской культуры как групповая ценность и основание самоидентификации

Изучаемое нами сообщество постулирует своей целью изучение, транслирование и популяризацию традиционной культуры, поэтому солидаризация членов сообщества происходит, в основном, вокруг его культурных оснований. Анализ интервью позволяет говорить о множественности культурных идентичностей среди участников сообщества, что дает возможность выделить несколько стратегий самоидентификации, находящихся во взаимосвязи со стратегиями отбора материала для исполнения. У каждого коллектива есть групповая стратегия, которая задается руководителем и корректируется коллективным мнением, но отдельные участники могут солидаризоваться с ним только в рамках работы коллектива, в то время как личная стратегия построения идентичности может отличаться. Можно выделить несколько видов самоидентификации.

1. Культурная самоидентификация, основанная на изучении и исполнении локальных традиций. Для этих участников характерно изучение фольклора той местности, в которой они живут и на территории которой происходят встречи коллектива. С этим материалом связана стратегия самоидентификации, базирующаяся на локальной истории. Знакомство с песенным и танцевальным материалом своей малой родины приводит к формированию локального патриотизма по месту, где живет человек, независимо от того, откуда родом его предки, либо, напротив, его предки откуда или из соседней области, поэтому ему интересна эта традиция. В Москве это понятие расширяется до граничащих областей, которые имеют реальную или конструируемую связь с традициями Московской области, так как послед-

¹ Van der Zeijden H.-A. Public Folklore and the Construction of a Regional Identity in Newly Reclaimed Dutch Polders / P.J. Margry (ed.). Reframing Dutch Culture Between Otherness and Authenticity. The Netherlands and Herman Roodenburg, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2007. P. 59–81.

ние практически не сохранились к моменту начала активной деятельности фольклорного движения.

Для тех участников, которые присоединились к фольклорному движению с тем, чтобы изучать фольклор той местности, в которой они проживают, наиболее значимо обращение к своим непосредственным предкам, принадлежность к своей местности и людям, проживающим в этой местности, ощущение родства с ними. Фольклорные ансамбли, которые изучают и транслируют фольклорный материал того региона, в котором они проживают, зачастую очень трепетно относятся к точной передаче фольклорного материала. Они не допускают импровизаций в песне и стараются максимально достоверно, т.е. так, как было записано у деревенских исполнителей, передать песню или танец. Такие фольклорные ансамбли обладают своей локальной культурной идентичностью.

2. Следующую стратегию самоидентификации отличает то, что ее представители занимаются традициями разных регионов и локальностей. Зачастую такие коллективы стараются познакомиться с наиболее яркими традициями, чтобы иметь общее представление о традиционной культуре. Эти коллективы позиционируют «общерусскую культурную идентичность». Изучение разных традиций в большей степени характерно для московских коллективов, где почти не сохранилось регионального традиционного фольклора, что и является одной из причин выбора немосковского фольклорного материала. Общерусская стратегия идентификации, обобщение традиции, в том числе более выраженная унификация манеры исполнения, меньшее внимание к диалектному произношению (хотя попытки его воспроизведения предпринимаются, так как сохранение стиля локальной традиции является одним из базовых принципов фольклорного движения) характеризуют коллективы, удаленные от традиции той местности, которую они изучают.

3. Третий вид самоидентификации основан на изучении «чужих» локальных традиций. В действительности, данный способ изучения традиционной культуры положил начало развитию фольклорного движения (Покровский со своим ансамблем записывал песенный материал Белгородской области и донских казаков), но данная стратегия отбора материала имеет наименьшую связь с какой-либо стратегией идентификации, зато имеет прямую связь с идеологией сообщества. Изучение «чужих» локальных традиций стало основой деятельности фольклорного движения, согласно логике которой важно сохранять чистоту каждой локальной традиции, только таким образом возможно высокое качество освоения традиции.

Различия в исполняемом материале связаны и с идентификацией групп внутри фольклорного движения: они способствуют различению друг друга

и построению уникального образа коллектива. При этом у всех названных стратегий самоидентификации есть общие черты: отсылка к прошлому, связь с корнями. Все исполняемое коллективами фольклорного движения характеризуется принадлежностью к русской традиции, так же как каждая область является административным подразделением страны и так или иначе отсылает к целой стране, являясь ее частью. Конструируется общее представление о русской культуре как состоящей в первую очередь из фольклора. Совокупность фольклора и есть подлинная русская культура, а участники фольклорного движения – подлинные русские:

«мы можем ощущать себя более русскими, чем остальные русские, потому что мы и по крови русские, мы еще и по культуре русские – это очень важно» (И15).

Именно с участниками сообщества ощущается чувство национального единства, а также с сочувствующими – прихожанами храмов, так как фольклорное движение заявляет о себе как о православном. В 2000-е гг. усилилось взаимодействие с храмами, все чаще священники приглашают коллективы на календарные праздники, а прихожане, если и не являются участниками фольклорного движения, создают круг сочувствующих. Общение в рамках субкультуры похоже на встречи русских где-нибудь за границей, где обостряется чувство единства с русскими – так же и участники фольклорного движения ощущают себя русскими, находясь со «своими» в собственной стране.

Многие участники фольклорных коллективов употребляют в речи фразы «мы исполняем наши русские песни» (И12), таким образом, это местоимение «наши» указывает на позиционирование себя «русскими»; они исполняют русские песни и танцы, русские игры: все это дает основание утверждать, что в восприятии участников фольклорного движения русские выступают не в качестве этноса, а в качестве нации, и фольклорное движение, в основном, направлено на продвижение русских традиций и русской культуры. Встает закономерный вопрос – русская культура – это культура полиэтнической России?

Определение «русская культура» сформировалось в общественном сознании и обозначает синтез культур этнических общностей, проживающих на территории России, где, кроме того, смешаны и региональные особенности культуры одного этноса. Зачастую понятие «русская культура» употребляется участниками движения при противопоставлении другим «ярким» этническим культурам:

«Мы к патриотическим чувствам зывали, мы говорили, что лезгинку на Кавказе танцуют от мала до велика просто на улице. Что же такое с русской культурой творится?» (И19).

На вопрос, чем для вас является традиционная культура, участники фольклорного движения отвечают:

«это традиции того народа, который здесь жил давно. Просто культура большинства» (И14);

«Традиционная культура – это понятие малой родины, может быть, патриотизм. Народная культура – это моя семья, мое окружение» (И20).

Очевидно, таким образом, что большинство участников фольклорного движения не различает понятия «традиционная культура» и «народная культура». Данные понятия описываются в категориях «культура большинства», передаваемые от поколения к поколению «традиции» в понимании песенного и танцевального материала, изучаемого фольклорным движением, «патриотизм» (любовь к родине). Само понятие «традиционная культура» используется для обозначения различных форм народного творчества, сложившихся на протяжении многовекового развития соседствующих друг с другом этнических групп. Таким образом, сплочение участников сообщества строится вокруг культурных оснований бытовавших в России культур, что в их понимании составляет традиционную русскую культуру. Несмотря на отсутствие четкого разграничения понятий народной и традиционной русской культуры, позднесоветская культура иногда может негативно восприниматься как псевдонародная культура или «кляква», что работает как негативный мотив и приводит к мобилизации и усилению сплоченности участников фольклорного движения против «врага», насаждаемого сверху¹.

Разнородность фольклорного движения, существование большого количества коллективов и ансамблей различных музыкальных направлений, участие одних и тех же людей в ансамблях разной направленности и одновременное исполнение как «аутентичного», так и «позднего», «городского» фольклора – все это позволяет говорить о множественности культурных идентичностей в фольклорном движении.

Структурные аспекты сплоченности молодежного фольклорного движения

Рассматриваемое сообщество основано на регулярном общении лицом к лицу и в электронных сетях, а также на коллективном ментальном образе своего сходства. Этот образ следует из разделяемого мифа об общих предках и романтизации народной культуры. Вместе с тем, нельзя говорить о массовой эмоциональной и некритичной вовлеченности членов фольклорного движения в мифологизированное прошлое.

¹ Это происходит, так как во многих учреждениях культуры до сих пор сохраняется сильная традиция позднесоветских хоров.

закладывается в отношении к деревенскому фольклору, важности точности воспроизведения и комплексности подхода к изучению и исполнению материала:

«(При выборе репертуара) есть внутреннее ощущение, которое сформировано после посещения фольклорного коллектива – что достойно, что нет» (И17).

Исполнение «аутентичного материала», воссоздание «традиционного уклада» жизни русских деревень в современном городе является социально сконструированным и искусственно привнесенным в сегодняшнюю жизнь проектом. Поэтому деятельность фольклорного движения и дискурсивные практики, создаваемые вокруг самого движения, позволяют удерживать идентичность в рамках повседневной жизни, добываясь при этом ее признания другими.

Тесные взаимоотношения участников фольклорного сообщества, включая как личное знакомство фольклористов, так и достаточную осведомленность об известных личностях, коллективах, фестивалях и других фольклорных мероприятиях, наличие принятых правил поведения и общения, формальных и неформальных практик, социальных норм и границ сообщества, единство ценностных ориентаций, уровень прочности межличностных взаимоотношений и уровень согласованности поведения участников – все это позволяет говорить о сплоченности членов фольклорного сообщества. Сплоченность как способность группы сопротивляться деструктивным силам, достигаемая через стремление индивида аффилироваться с группой¹, является фактором формирования, поддержания и развития фольклорного сообщества.

Сплоченность и социальная поддержка

Несмотря на разобщенность людей в современном мире, очень часто формируются круги поддержки и сплоченности в результате появления общего врага, будь то группа людей, институты, природная стихия или болезнь конкретного человека. Большую роль в появлении таких групп играют социальные сети и СМИ. Мы можем найти множество примеров в сети Интернет: группы по сбору средств на лечение отдельных людей; мобилизация волонтеров на помощь жертвам стихийных бедствий; постоянно действующие волонтерские организации помощи бездомным и др. Участники фольклорного движения не являются исключением. Летом 2014 г. участница одного из московских коллективов узнала о своем очень серьезном диагнозе и о требующемся дорогостоящем лечении. Близкие ей и мало знакомые люди из фольклорного движения решили провести благотворитель-

¹ Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001. 320 с.

ный фольклорный концерт «ВСЕМ МИРОМ», все средства от которого были направлены на лечение и реабилитацию участницы. Для привлечения большего количества людей, желающих помочь своим присутствием на концерте, была создана группа в «ВКонтакте» с описанием целей и сроков проведения концерта, его участников, на аватарке плакат концерта. Меньше чем через неделю в группе было 210 человек, точно готовых посетить концерт, и 452 человека, намеревавшихся это сделать¹. Десятки исполнителей выразили готовность оказать поддержку своим творчеством.

Чувство принадлежности к группе и ощущение, что «я – такой же, как они», относительная открытость групп фольклорного движения означает, что каждый участник получает одинаковый доступ к ресурсам сообщества. Например, каждый может послушать и использовать далее материалы, выложенные в «ВКонтакте», каждый может принять участие в анонимном голосовании или оставить свой комментарий в группе. Конечно, администраторы группы следят за стилистикой высказывания, однако такая демократичность указывает на тип сплоченности, построенной на равенстве и инклюзии.

Фольклорное движение предстает в исследовании как многозначный феномен в контексте сложных отношений между государством, рынком и гражданским обществом.

Сплоченность в молодежном фольклорном движении является лишь одним из видов социальной сплоченности, в основе которой лежат культурные основания сообщества. В современных условиях мы можем говорить о нескольких определениях социальной сплоченности в зависимости от контекстов ее проявления. Сплоченность может проявляться в результате системных усилий основных акторов, обеспечивающих социальную интеграцию при помощи институциональной базы². В контексте молодежного фольклорного движения основными акторами являются лидеры фольклорного движения – те, кто стояли у его истоков и внесли большой вклад в развитие деятельности сообщества³.

¹ Благотворительный фольклорный концерт ВСЕМ МИРОМ / Эл. ресурс: <http://vk.com/event94026203> (дата обращения: 18.05.2015).

² Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41–61.

³ Подробнее см.: Андреева Е. Указ. соч. С. 214–232; Гавриляченко Е. Указ. соч. С. 79–83.

Вторым важным фактором является распространенность ценностей сплоченности в обществе за счет ее конструирования и символического производства. В фольклорном движении ценности сплоченности воспроизводятся как на уровне отдельных групп – ансамблей (зачастую данные ценности проявляются в отношениях между членами ансамбля, в отношении к исполняемому репертуару), так и всего сообщества, например во время совместных мероприятий (в форме транслирования идеологии фольклорного движения). Кроме того, сплоченность может проявляться через механизмы мобилизации членов группы перед внешней угрозой, в ситуациях кризиса, радикальных трансформаций. Ярким примером является феномен «Песенного национализма»¹ в прибалтийских странах.

Факторами сплоченности в сообществе могут быть внимание, поддержка и доверие к участнику со стороны значимых для него людей. В этом смысле сплоченность может влиять на становление личности и поиск «своего места в жизни» в условиях кризисного состояния идентичности, обусловленного процессами глобализации и внутренними трансформациями, происходящими в стране, потерей связи с корнями и традиционным укладом жизни, формированием единого информационного пространства, возрастающей ролью этнической самоидентификации в условиях поликультурного общества. Многообразие общественных групп и объединений делает проблему «поиска идентичности» основным объектом для размышлений и дискуссий различных социальных слоев российского общества. «Динамика идей мультикультурализма и появление новых идентификационных моделей выступает формой противостояния глобализационному давлению на социокультурную сферу»². В результате размывания национальных и культурных границ традиционная культура может выполнять адаптивную функцию и способствовать социализации и самореализации молодежи, вовлеченной в фольклорное движение. Зачастую человек не способен самостоятельно осознать назначение и смысл окружающих его вещей, поэтому он нуждается в выстраивании системы идентификации с членами сообщества, разделяющими определенные ценности и нормы. Попадая в молодежное фольклорное движение, его участники выстраивают позитивную идентичность на основе одобряемых в сообществе образцов поведения и взаимоотношений, разделяемых ценностей и целей. Признание референтной группой успешности освоения данных норм и правил способствует построению по-

¹ Kuutma K. Cultural identity, nationalism and changes in singing traditions // P. 265–272.

² Астафьева О. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. 2001. Т. 5. С. 223.

зитивной идентичности, устойчивой принадлежности к сообществу и выступает условием для дальнейшего успешного взаимодействия с внешним миром. Популяризация движения по сохранению культурного наследия осуществляется как силами участников сообщества, так и с опорой на государственную поддержку и находит отклик у молодых россиян, стремящихся к знакомству и освоению «культуры своих предков», поиску своих корней и своей культурной и коллективной идентичности.

Сплоченность может проявляться через механизмы внутригрупповой мобилизации, и сообщество может выступать структурным элементом публичной сферы. Молодежное фольклорное движение имеет характеристики общественного движения, способного, при определенных условиях, влиять на социальную структуру и социальные процессы общества. Многие представители фольклорного движения отмечают недостаточное внимание к вопросам популяризации традиционной культуры в России со стороны государства. Ярким примером является статья В. Бондаренко «Сохраним народную культуру», в которой автор отмечает отсутствие внятной и ясной государственной политики по сохранению и поддержке народной традиционной культуры и призывает Министерство культуры РФ к активному содействию в сохранении и преемственности культурных традиций России¹.

Такие характеристики молодежного фольклорного движения, как открытость и проницаемость границ, ориентация на инклюзию, эгалитарность, гетерогенность в сочетании с ценностным единством на основе интереса к культурным традициям и понимания просветительской миссии, позволяют характеризовать сообщество как основанное на морали социальной справедливости. Однако поскольку само сообщество является весьма неоднородным, его мировоззрение нельзя считать официальной идеологией либо универсальной, единой для всех практикой. Разногласия отмечаются по вопросам способов презентации фольклора, включенности в традицию, определения этнической идентичности, основанной на производстве и переживании культурной памяти. В качестве ядра комплекса консервативных убеждений рассматриваемого сообщества выступает представление о высокой значимости традиций музыкального фольклора для развития современной культуры, а в поле повседневных практик встроена деятельность, направленная на «возрождение народной культуры». Это может использоваться в целях интеграции, а может выступать контраргументом социальной и политической идентификации, создавая разнонаправленное поле для развития сплоченности.

¹ Бондаренко В. «Сохраним народную культуру» / Газета «Завтра». № 26 (866) / Эл. ресурс: <http://zavtra.ru/content/view/2010-06-3051/> (дата обращения: 19.05.2014).

Одним из важных оснований сплоченности членов сообщества является существование неформального «воображаемого сообщества»¹ – молодежного фольклорного движения, которое «ощущается» в наличии общего культурного пространства и пietetа к основателям движения. Большинство из них работает в учреждениях культуры и общественных организациях² и способно влиять на формирование сплоченности в сообществе в основном за счет проведения (участия в организации) общероссийских фольклорных мероприятий (фестивалей, концертов, конференций, круглых столов, флеш-мобов). Фольклорное движение – это не просто неформальная группа, оно представлено официальной организацией «Российский фольклорный союз» (РФС), созданной в 1989 г., которая является ядром этого движения. Опрошенные информанты, которые работали или работают в РФС, до сих пор идентифицируют себя с движением благодаря активной деятельности в нем:

«Во-первых, я его вижу (фольклорное движение)... то сообщество, которое меня окружает, это и есть фольклорное движение. Во-вторых, я же работала в фольклорном союзе и... у нас очень тесные взаимосвязи друг с другом» (И1).

Основой сообщества является взаимодействие между участниками фольклорного движения, члены которого имеют схожие интересы и стремления к достижению одинаковых целей. Тем самым, участники фольклорного движения конструируют дихотомию свое/чужое, которая затем действует в выборе репертуара, стиля исполнения, выборе фольклорных фестивалей, отношении к «другим» участникам и «другим» коллективам.

Культурная память, формируясь в процессе коллективных действий участников движения, становится ресурсом их групповой идентичности и стержнем накапливаемого социального капитала. Именно аргументы из этнонациональной и этнокультурной истории позволяют формировать коллективную память фольклорного сообщества³ и сплоченность на этом основании. Однако, по мнению участников, по сравнению с националистическими выступлениями ультраправых организаций, национальная идея фольклорного движения не содержит идей насилия и отрицательного отношения к представителям других культур. Приведенная ниже цитата является иллюстрацией отношения, характерного для всех участников исследуемого сообщества:

¹ Андерсон Б. Указ. соч.

² Пр.: ГЦРФ (Государственный центр русского фольклора Министерства культуры Российской Федерации), РФС (Российский фольклорный союз) и др.

³ Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 27–48.

дования: «чужая» этническая идентичность не является препятствием для участия в фольклорном ансамбле:

«Ну если он будет заниматься этой традицией, уважать ее, то почему нет? Я сама – наполовину татарка, наполовину еврейка, а занимаюсь в русском ансамбле» (И3).

Таким образом, не социальные характеристики индивида, а разделяемые ценности становятся основой дифференциации своих и чужих, выстраивания границ группы.

В числе динамических аспектов сплоченности стоит выделить высокую степень лояльности по отношению к группе:

«для меня фольклор – это неотделимая часть жизни, для меня очень важно быть на волне, чтобы меня не списывали со счетов. Я всегда в строю, всегда там» (И1).

Существенный вклад в формирование ингрупповой лояльности вносит складывающаяся в большинстве ансамблей сеть взаимной поддержки и стремление участников к близкому общению друг с другом:

«Вот в нашем коллективе руководитель навещала меня в больнице. Хотя я недавно пришла в ансамбль. Было неожиданно и приятно» (И3).

Привлекательным свойством изучаемого сообщества является наличие общего культурного пространства, обеспечивающего комфортную среду:

«ты можешь поехать в любой другой город, и у тебя там будут люди-друзья, близкие по духу тебе люди» (И18); «некоторые стремятся передать свои знания, а некоторым просто комфортно среди "своих"» (И8).

Однако, как демонстрировалось ранее, фольклорное сообщество гетерогенно: различия коллективов выделяются по уровню исполнения, открытости отношений к другим участникам фольклорного движения, поведению участников (приемлемое и неприемлемое). Информантами приветствуется открытость, теплота отношений внутри группы:

«Главное, чтобы человек вписывался в коллектив... чтобы не хамил ни руководителю, ни остальным участникам, не скандалил, был воспитанным, культурным, что ли» (И10).

Неоднородными по своему составу выступают и конкретные коллективы внутри фольклорного движения: внутри групп есть ингрупповая дифференциация, межпоколенческие и другие статусные отличия, неформальное распределение полномочий:

«Ну вот в Москве в ансамбле я числюсь неофициально как "слухач" и "хореограф", потому что я знаю традицию. – Тебя привлекают для помощи новичкам? – Да, зачастую» (И5).

Важным для членов фольклорного движения является отличие от остальных «культурных» сообществ (в основном, от народных хоров), которое

Моральные основания сплоченности в социально уязвимых группах (на примере заключенных российских колоний). Предметное поле исследования

В данном параграфе сплоченность рассматривается на примере сообщества отбывающих срок в местах лишения свободы (колониях). Выбор такой группы был сделан в силу ее специфики, которая обусловлена фактом принудительного членства, жесткости и внешней заданности границ, длительности совместного проживания, наличия формальных правил, регулирующих все сферы жизни индивидов, а также гетерогенности состава группы (входящие в нее индивиды различаются по полу, возрасту, составу преступления и сфере, в которой оно было совершено, прежней профессиональной принадлежности, уровню и стилю жизни, интересам и проч.). Таким образом, мы рассматриваем группу людей, которые не имеют иных оснований для объединения, кроме факта совершения преступления и его особенностей. По этой причине анализ форм сплоченности заключенных колоний представляет особый исследовательский интерес.

В последние 5 лет фиксируется глубокий интерес к российской пенитенциарной системе со стороны Правительства РФ. Так, в 2010 г. Председателем правительства была утверждена «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» (№ 1772-р от 14 октября 2010 г.), в рамках которой поставлены три базовые задачи: «1) повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; 2) сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам; 3) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов». В этой связи анализ оснований сплочения заключенных в колониях может быть применим при разработке социально-психологических методик по реализации указанных задач реформирования уголовно-исполнительной системы, что объясняет в свою очередь практическую значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в адаптации и апробации нового для российской социологии социально-психологического подхода к анализу сплоченности.

Эмпирической базой выступали 10 глубинных полуструктурированных интервью, проведенных авторами данной статьи согласно разработанному гайду, основанному на адаптированной к российским условиям социально-психологической теории моральных оснований, а также одно разведыва-

тельное интервью. В качестве респондентов приглашались мужчины, имеющие опыт отбывания наказания в колониях общего и строгого режимов, освободившиеся менее 1 года назад. В силу труднодоступности респондентов¹ выборка была сформирована методами «снежного кома» и «доступных случаев»². Отбор респондентов осуществлялся в соответствии с рядом критериев для получения максимально широкого спектра мнений (состав выборки см. в табл. 5). Так, в выборку отбирались респонденты разных возрастов (от 28 до 62 лет), с разным по длительности сроком отбывания наказания (от 4 до 13 лет), осужденные не только по разным статьям, но и по разным квалификациям: преступления в сфере экономики, против жизни и здоровья, против общественной безопасности и общественного порядка, против здоровья населения и общественной нравственности. При этом были учтены некоторые ограничения, основанные на результатах разведывательного интервью, предварявшего исследование. В выборку не были включены заключенные колоний-поселений и колоний особого режима в силу отличающихся условий их содержания. Также выборка ограничивалась представителями мужского пола, так как структура группы заключенных в женских колониях отличается разительно и требует отдельного изучения. Основными задачами исследования выступали: 1) выявление ключевых структурных срезов группы и их оснований; 2) определение форм сплоченности, формирующих их.

Рассмотрим результаты исследования в соответствии с последовательностью вышеперечисленных задач: сначала коснемся вопроса структуры группы, а затем – анализа форм сплоченности.

Структура группы заключенных

Группа заключенных имеет сложную структуру, в рамках которой по разным основаниям можно выделить несколько срезов. Зачастую это временные группы, распадающиеся при освобождении заключенных. Это группы, основывающиеся, прежде всего, на сходстве габитуса, интересов. Это основание оказывается порой достаточным для формирования стабильной группы, сохраняющейся после освобождения заключенных из тюрьмы.

В этой связи важно отметить подгруппу изучающих закон и стремящихся апеллировать свой (по их мнению, несправедливый) приговор. Интересной ее особенностью является связь с внешним миром, помощь ее членам со стороны некоммерческих организаций, родственников, иных неравнодушных. Формируются подгруппы также и на основе единства религиозных

¹ Исследовательский коллектив благодарит организацию «Русь Сидящая» за помощь в доступе к респондентам.

² Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. С. 139–142.

ных. Несмотря на то, что членство в этой группе носит принудительный характер, некоторые «опущенные», по словам респондентов, добровольно входят в нее, так как за выполнение вышеуказанных видов работы им предоставляется увеличенный объем пищи.

Четыре описанные группы составляют базовую структуру сообщества. Рассмотрим более детально структуру каждой из них.

На основе группы «мужиков» (самой многочисленной из всех) формируется особая подгруппа «борцов» (прим.: термин авторов), для членов которой ценности социальной справедливости и равенства столь значимы, что для их защиты они готовы жертвовать своей физической сохранностью. «Борцы» требуют применения к себе только законодательно установленных правил и санкций и проявляют демонстративное неповиновение по отношению к неформальным правилам и нормам. За «расшатывание режима», удобного администрации, последняя ухудшает условия содержания «борцов» или направляет в штрафные изоляторы, отличающиеся еще более суровыми условиями содержания.

Кроме того, некоторые респонденты отмечали, что у администрации колоний есть дополнительный рычаг воздействия на «борцов» – особые камеры, называемые «пресс-хатами», в которых бессменно содержатся физически крепкие, натренированные заключенные («силовики»), готовые ради гедонистических ценностей (т.е. очень хороших условий содержания, включающих всевозможную технику, вкусную пищу и пр.) применять жесткие меры насилия по отношению к любому, кто будет к ним направлен. Таким образом, в «пресс-хатах» встречаются две антагонистичные по ценностным ориентациям группы заключенных.

«Красные» (син.: «актив», «шерстяные», «СДП» (секция дисциплины и порядка), «козлы») имеют и иные подгруппы кроме «силовики». Угодливость административным сотрудникам исправительных учреждений может выражаться в различных формах и, в любом случае, как дает основания для получения разного рода привилегий и благ (самым ценным из которых является условно-досрочное освобождение), так и вызывает осуждение остальных заключенных:

«у актива это, естественно, ценности... Это собственная безопасность, собственный комфорт, возможность длительных свиданий, чаще, чем у других, возможность большого количества телефонных звонков, возможность делать в определенный момент то, что нельзя другим (образно – полежать на кровати, что другим запрещено)» (И8).

Основная часть «красных» попадает в группу в результате того, что добывается рабочее место, приближенного к административным позициям (например, на кухне, в библиотеке и пр.), работа на которых сама по себе предоставляет более благоприятные условия жизни.

Другой формой сотрудничества с администрацией исправительного учреждения является поддержание неформального режима – осуществление контроля над действиями других заключенных, в том числе и ухудшение условий их жизни в угоду своим интересам. Таким образом, эта часть «красных» укрепляет неформальные нормы и санкции, не разделяемые большинством, и потому осуждается существенно сильнее остальных (на тюремном наречии таких заключенных называют «козлами»).

Последняя форма – донесение информации («стукачество»).

Таким образом, основным мотиватором вступления в подгруппу «красных» выступает ценность гедонизма, а у «козлов» – в дополнение к ней (и порой даже с большим весом) – ценность власти. Стоит отметить, что отношение к «красным» не всегда исключительно негативно. Осуждается непосредственно осознанная деятельность, которая тем или иным образом ущемляет права других заключенных. Так, например, заключенный может быть направлен на исполнение некоторых «красных» видов работ администрацией. В таком случае отношение к нему будет более снисходительным, нежели к тем, кто целенаправленно добивался схожей позиции.

Структура группы «блатных» (син.: «воров», «авторитетов», «отрицаловки») более ярко выражена. Наивысшую позицию в ней занимает «вор в законе», отбывающий срок или находящийся вне исправительного учреждения, координирующий деятельность преступной группировки. Нижестоящими по статусу являются «смотрящие» (син.: «положенцы») – отбывающие срок в исправительном учреждении, наиболее приближенные к «вору в законе» лица, выполняющие его непосредственные поручения и следящие за соблюдением воровских традиций и неформальных правил. Последней подгруппой «блатных» являются «шестерки» (син.: «бродяги», «приблатненные») – люди, стремящиеся примкнуть к преступному миру, выполняющие различные поручения, вменяемые им «блатными», не обладающие еще всеми правами последних, но получающие некоторую защиту с их стороны. Все остальные заключенные, живущие по «воровским понятиям» и отрицающие закон, носят общее название подгруппы – «блатные». Материальными благами «блатных» обеспечивают коллеги с воли, а в качестве нематериальных благ «блатные» получают покровительство и защиту.

Описанная структура является ключевой, воспроизводящейся из десятилетия в десятилетие (схему структуры сообщества и все возможные направления смены групповой принадлежности см. на рис. 3).

Моральные основания сплоченности заключенных колоний

Рассмотрим характер сплоченности «блатных», «красных» и «борцов» детально.

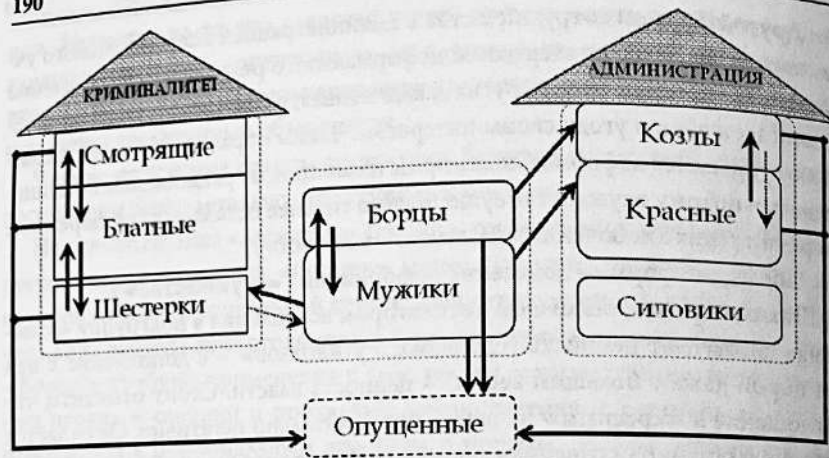

Рис. 3. Основные подгруппы в составе группы заключенных и их состав¹

В контексте сплоченности наиболее показательно рассмотрение группы «борцов», так как именно она, на наш взгляд, иллюстрирует максимальный уровень сплочения в колонии. Как было показано выше, основной целью, декларируемой членами этой группы, выступает борьба с беззаконием и неформальными правилами, нарушающими права, представляющиеся заключенным законными. Это единство ценностей и целей приводит к гомогенизации образа жизни членов группы, что связано с понятной узостью диапазона допустимого поведения в условиях исправительного учреждения. В результате, постоянное прозябание в штрафных изоляторах за «расшатывание режима» укрепляет представление членов группы о единстве «общей судьбы», основанной на благородной идее борьбы за справедливость. Таким образом, конструируются групповые границы: фактором, укрепляющим их, становится внешняя угроза – необходимость противостояния и требование избегания контактов с представителями другой – антагонистичной – группы, с «красными».

Концепция группы «борцов» агентивная, так, членом подгруппы может стать любой, кто готов бороться за свои права, что сближает ее по характеру моральных основ сплоченности с моралью социальной справедливости. Тем не менее, для «красных» вход в группу закрыт (как уже говорилось, примерившему ту или иную групповую идентичность неформальные пра-

¹ На рисунке пунктирными прямоугольниками выделены 4 основные подгруппы заключенных: «блатные», «мужики», «красные», «опущенные», а также подгруппы в их составе. Стрелками обозначены возможные направления смены групповой принадлежности (жирными и тонкими – облегченные и затрудненные соответственно).

вила, бытующие в местах лишения свободы, не позволяют сменить образ – «бывших» «красных» не бывает).

Целостность группы «борцов», как и субъективная оценка ее представителями высокой степени сплоченности этой общности, основывается, с одной стороны, на жестком контроле над образом жизни (как со стороны аутгрупп, так и изнутри), с другой – на единстве представлений о целях ее существования. Цели, которые артикулируются представителями группы как «справедливость» (справедливое распределение благ, т.е. законность режима, борьба с беззаконием), реализуются в формальной структуре группы – равенстве ее членов. Отношение к аутгруппам среди «борцов» весьма неоднородное: лояльное к «мужикам» и «блатным», в меньшей степени толерантное – к «опущенным» и абсолютно агрессивное – к «красным». То же касается стратегии межгруппового взаимодействия: сотрудничество – с «мужиками» и «блатными», конкуренция и избегание взаимодействия – с «красными». Таким образом, анализ сплоченности в группе «борцов» дает картину, несколько отличающуюся от теоретически сконструированной модели: этот тип сплоченности не соответствует в полной мере ни сплоченности на основе морали социального порядка, ни сплоченности на основе морали социальной справедливости, хотя имеет черты обеих. При том, что по широкому списку критериев этот тип соответствует морали социального порядка (конформность, тотальный контроль над образом жизни членов группы, четкость и малая проницаемость групповых границ), мы наблюдаем отсутствие внутренней иерархии (при относительной, к тому же, автономности этой группы в структуре высокоиерархизированного сообщества заключенных в целом), эгалитарность группы, что соответствует типу сплоченности, в основе которого лежит мораль социальной справедливости¹. Это наблюдение позволяет предположить относительную независимость критерия «вертикальность/горизонтальность внутригрупповой структуры» от той моральной мотивации, на основе которой формируется и существует общность. Таким образом, мы предлагаем рассматривать этот параметр как независимый, дополняющий моральные основания, критерий оценки групповой сплоченности.

Наиболее многочисленная подгруппа «мужиков» по структуре и характеру сплоченности схожа с подгруппой «борцов», однако все указанные выше черты в ней выражены существенно слабее.

Группа «красных» демонстрирует сплочение на основе морали социального порядка. Так, указанная подгруппа не только имеет социальные

¹ Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. Vol. 17. № 3. P. 219–236.

границы, осознаваемые как ее членами, так и иными заключенными, и четко определенные территориальные границы:

«у них (прим.: «красных») отдельный барак, если вот "угловые" разбросаны по разным баракам, и у них в каждом бараке есть свое место, то тут это "козлийный" отряд. <...> "козлийный" или "шерстяной" отряд, и среди них комендант, то есть он назначается из эков» (И5).

Основой целостности группы выступает групповая идентичность ее членов, о чем свидетельствует их поведение. Определенность знаков группового членства здесь присутствует в гораздо более явном виде, чем у «блатных». Так, в некоторых колониях члены данной подгруппы носят красные повязки на плече, служащие индикатором их групповой принадлежности. Здесь отмечается свой язык общения, скрытый от других заключенных (в большинстве случаев использование специальных вербальных и невербальных сигналов обусловлено необходимостью надзирать за другими осужденными и скрывать от них свои намерения). Поэтому по признаку «структурные аспекты сплоченности» группа «красных» относится к морали социального порядка. Также члены группы «красных» ведут специфический образ жизни, отличный от образа жизни членов остальных групп:

«вообще характерно такое общение жестом, символом, звуком или еще что-то. Это отдельная история. Да, это тоже выделяет людей. Те же самые СДПшники, им надо обмениваться сигналами между собой. Это обязательно должно быть. <...> Лампочкой мигнут, зажигалкой чиркнут, если она есть, еще что-нибудь» (И2).

«Красные» также имеют внутреннюю структуру – в составе группы есть люди, занимающие более высокие должностные позиции и координирующие деятельность остальных. Однако в сравнении с «блатными» в группе «красных» иерархия менее ярко выражена. Ограниченность привилегированных позиций, приближенных к администрации, и наличие групповых интересов приводит к нежеланию групповых смещений и ограничению взаимодействия с другими группами. Причем изоляция членов группы происходит не только по инициативе самих ее членов, но – даже в большей степени – по инициативе всех остальных заключенных, испытывающих негативные эмоции по отношению к «красным» (осуждение, неприязнь, отторжение):

«если он чувствует за собой, он сразу идет в козлячий барак, к красным, то есть он сразу идет прислуживать ментам. Он прямо сразу говорит: "Я со- трудничал с администрацией, меня в красный барак". Они его сразу от блатных отделяют.

Тебе скажут: "Ну, иди туда, где красные живут. Иди и живи там, с теми, кто здороваются (прим.: с администрацией)"» (И1).

Причем сферой неформального контроля в этой группе также выступает индивидуальное поведение – стимулирование конформизма, лояльности:

«допустим, есть 100 СДПшников, и у них есть командир. Так вот, если командир имеет какой-то разум, и с ним можно о чем-то поговорить, то эти пехотинцы – это просто тупые дебилы, которым дали задание, и они себя ведут, в определенной модели существуют и из нее не выходят» (И2).

Основа существования группы также является внешней, т.е. существование группы базируется на противостоянии угрозам и конкуренции с другими группами в отношении материальных благ:

«у него кабинет свой. У него там стоит обычно тоже телевизор, музыкальный центр, диван, как обычно. Он "красный". Это завхоз, который, если так можно сказать, на всех стучит» (И1).

Таким образом, моральные основы сплочения «красных» и «блатных», хоть и имеют свою специфику, но все же очень схожи и тяготеют к морали социального порядка.

Не менее типичным примером группы, сплоченной на основе морали социального порядка, выступает подгруппа «блатных». Основной мотивацией ее членов является сохранение целостности подгруппы, свойственных ей неформальных правил и норм:

«вот блатные <...> это как бы отдельная каста. <...> И у них там даже и свой жаргон, и свои сленги» (И1).

Это выражается, в свою очередь, и в соответствующей стратегии межгруппового взаимодействия – избегании лишних контактов и закрытии групповых границ:

«и, само собой, никто не будет поощрять какие-то контакты, потому что в каждой группе есть свои секретники» (И1).

Причем если границы с подгруппой «мужиков» возможно пересечь, то границы с остальными подгруппами абсолютно непроницаемы:

«из блатных, кстати, можно в мужики попасть. И мужик может в блатные попасть. Ты можешь сказать: "Ну вас! Ушел я в барак, все! Пошел работать!" Потом можешь назад – блатовать начать, к примеру <...>

Он (прим.: «блатной») просто спросит: "Ты кто, откуда? Со второго барака? (прим.: во втором бараке проживают только «красные»)." Чего тебе надо? Спроси и уходи. Всё"» (И1).

«Блатные», как было показано ранее, являются группой с четко выраженной иерархией, члены которой прекрасно осознают ее границы и определяют членов остальных подгрупп как «других» (в отношении «мужиков») или «чужих» (в отношении «красных» и «угловых»):

«ну, если мы берем крайне отрицательные, да, воровские и актив, естественно, они абсолютно враждебны друг другу» (И8).

Основой существования группы «блатных» выступает противостояние власти и закону, и в настоящее время основным постулатом «блатных» является непринятие закона и дистанцированность от формальной власти: *«черные – это полная противоположность: противостоять администрации. Против ее законов»* (И10).

По словам заключенных, блатные в первую очередь борются за рост благосостояния и счастья ее членов, за ее развитие и процветание:

«Красные работают за зарплату, а черные работают за идею» (И10).

Сам факт того, что процесс вступления в подгруппу затруднен своего рода испытательным сроком, свидетельствует о стремлении к гомогенизации группы и социализации новых членов, в отличие от «красных» и, тем более, «мужиков», что позволяет предположить групповую гомогенность и идентичность как основу ее существования:

«Бродяга» – это тот, кто идет по воровской жизни, он еще не “вор”, но, возможно, он сможет пополнить воровскую семью. Опять-таки, исходя из его поступков и определенных, скажем так, заслуг. Опять-таки, если он будет соответствовать образу “вора”, если он будет соответствовать поступкам “вора”, да, мыслям там, ну и другим-другим-другим вещам. “Бродяга”, он, по крайней мере, старается жить и придерживаться воровского. <...> идти по воровской дороге – это очень серьезная ноша, да, не каждому это дано» (И4).

По этой же причине сферой морального контроля в подгруппе выступает именно поведение ее членов, что выражается в требовании конформности и лояльности:

«это уважение к количеству ходок, да. Сколько раз человек отсидел, что он делал или будет делать на свободе, потому что в этой группе очень важно. Чаще всего либо это какие-то знакомые, либо знакомые знакомых. Поэтому там и больше контроля друг за другом, и больше понимания, что они когда-то освободятся и друг с другом, возможно, там где-то встретятся» (И8).

Исходя из всех перечисленных выше особенностей, можно утверждать сплоченность «блатных» на основе морали социального порядка.

Подводя итог, стоит отметить, что сообщество заключенных, несмотря на жесткость границ, единство формальных правил и норм поведения, имеет сложную структуру, включающую несколько срезов, в каждом из которых мы можем наблюдать ряд реальных сплоченных социальных групп, в рамках которых индивиды удовлетворяют различные потребности. Изучение одного из таких структурных срезов (наиболее значимого для жизни заклю-

ченных и потому наиболее хорошо осознаваемого и артикулируемого) позволило выявить совокупность групп, демонстрирующих разную степень и характер сплоченности. По силе сплоченности среди них можно выделить группы слабо сплоченные («мужики»), средне сплоченные («красные», «блатные») и сильно сплоченные («борцы»). По характеру же сплоченности в сообществе заключенных можно встретить как группы, основанные на морали социального порядка («красные», «борцы»), так и группу, в высокой степени демонстрирующую сплоченность на основе морали социальной справедливости («борцы»). Детальный анализ последней группы показал также, что сплоченность может иметь одновременно как черты морали социальной справедливости, так и черты морали социального порядка. От групп, основанных на морали социального порядка, «борцов» качественным образом отличает отсутствие вертикальной иерархии, что объясняет необходимость рассмотрения этого параметра как независимо-го, дополняющего моральные основания критерия оценки групповой сплоченности.

Представленный анализ результатов исследования сплоченности в обществах, кардинально различающихся и по содержанию, и по структуре, выявил некоторые противоречия эмпирического материала с моделью многообразия форм сплоченности, сформированной на основе обзора теоретических разработок в области социологии и психологии морали.

Так, во-первых, была выявлена относительная независимость вертикальности/горизонтальности групповой структуры от моральных оснований групповой сплоченности. Почитание и наделение властными полномочиями того или иного члена группы не является, как мы полагали вначале, отличительной чертой сообществ, основанных на морали социального порядка. Группы, основанные на морали социальной справедливости, предоставляя своим членам равные возможности доступа к ресурсам, могут распределять обязанности в группе неравномерно, предоставляя право принятия решения лицам, соответствующим определенным критериям (компетентность, ответственность, социальный капитал индивида и т.п.). Набор критериев, так же как и спектр прав и обязанностей, предоставляемых каждому члену группы, во многом зависит от ценностных и целевых аспектов жизни группы.

Во-вторых, была выявлена тенденция к гомогенизации сообщества по мере роста сплоченности, что касается и тех аспектов, которые не связаны непосредственно с характером групповой деятельности. Устойчивые и взаимосплоченные группы становятся силой, способной влиять на частную жизнь индивида, задавая диапазон жизненных стилей и стратегий. Это делает группу, основанную на морали социальной справедливости, потенциально – в случае возникновения реальной или воображаемой внешней

взглядов или национальной/региональной идентичности. Заключенные с длительными сроками иногда образуют подгруппы – «семьи» – размером в 2–4 человека, в которых разделяется быт (используется общая посуда, распределяются передачи друзей/родственников по очереди и проч.). Последним зафиксированным основанием объединения людей в подгруппы выступает форма занятости в стенах исправительного учреждения. Так, например, может произойти сплочение членов одной бригады.

Таблица 5

Состав выборки исследования

№	Возраст	Квалификация совершенного преступления	Срок отбывания наказания	Тип колонии*
1	39	В сфере экономики	6 лет	СР
2	31	Против жизни и здоровья человека	8 лет	СР
3	43	В сфере экономики	1 и 3 года	ОР
4	46	Против общественной безопасности и общественного порядка	6 лет	ОР
5	62	В сфере экономики	6 лет	ОР
6	28	Против здоровья населения и общественной нравственности	8 лет	ОР
7	32	Против жизни и здоровья человека	13 лет	СР
8	37	Против жизни и здоровья человека	4 года	СР
9	41	В сфере экономики	4 года	ОР
10	42	Против жизни и здоровья человека	5 лет	ОР

* В таблице использованы сокращения: СР – колонии строгого режима, ОР – колонии общего режима.

Каждый заключенный, таким образом, является членом сразу нескольких подгрупп, которые удовлетворяют различные его потребности и способствуют достижению разных целей, а значит, определяют его жизнь в колонии. Однако среди прочих структурный срез, выделяемый на основе сходства ценностей, является для заключенных самым очевидным, ключевым и именно его заключенные определяют как наиболее значимый для жизни в колонии.

В соответствии с тем основанием, которое интерпретируется заключенными как «ценностное», сообщество включает 4 основные группы – «блатные», «красные», «мужики» и «опущенные», каждая из которых также имеет внутреннюю структуру. Представленная на рис. 3 структура является устойчивой и не исчезает при смене состава группы. Для нового члена группы она является заданной, и при попадании в группу заключенный должен выбрать, членом какой из подгрупп он станет. Выбранное

членство формально закрепляется за индивидом на всю жизнь, что означает, что при повторном и последующих попаданиях в колонию групповая принадлежность заключенного устанавливается в кратчайшие сроки, и он автоматически определяется в соответствующую группу. Групповая принадлежность фиксируется в «книгах», одна из которых ведется и хранится «блатными», а вторая – администрацией исправительного учреждения. Для социализации в новых условиях и определения группы членства индивиду предоставляется время, в течение которого члены группы объясняют ему все формальные и неформальные нормы, правила и санкции за их нарушение, а также специфику взаимодействия членов разных подгрупп друг с другом. Длительность временного промежутка не регламентируется.

Сплочение заключенных в эти группы происходит, по словам респондентов, на основе общих ценностей. Конкурирующими ценностями, между которыми в первую очередь приходится выбирать, являются: 1) ценности гедонизма и власти и 2) ценности равенства и социальной справедливости. Необходимость выбора диктуется, с одной стороны, суровыми условиями содержания заключенных, заданными формальными нормативными документами, а с другой стороны – возможностью их обойти, улучшив уровень и условия жизни посредством использования механизмов неформальных институтов. Последние поддерживаются двумя категориями людей – некоторыми государственными служащими, работающими в колонии, и представителями криминальных структур (находящимися как в колонии, так и вне ее стен). Улучшение уровня жизни заключается в расширении товаров и услуг, которыми пользуется заключенный в колонии. Самыми востребованными среди них являются пища, средства коммуникации (мобильный телефон/смартфон), табак и, в некоторых случаях, наркотические вещества, а также режим свиданий с людьми, не находящимися в колонии. Примикивание к первым или вторым с целью улучшения собственных условий жизни ставит заключенных в неравные условия. Если в ценностной иерархии заключенного ценности равенства и социальной справедливости оказываются более значимыми, то он принимает решение стать членом группы «мужиков». В обратной ситуации он становится «красным» или «блатным» (членом групп, образовавшихся вокруг административных служащих или криминального сообщества, соответственно).

Последняя группа – «опущенных» (син.: «уголовных», «обиженных», «петухов») – отличается от остальных тем, что членство в ней принудительно и основано, преимущественно, на предполагаемой или доказанной гомосексуальной ориентации заключенного (однако причины могут быть и иные). Члены этой группы выполняют «грязные» виды работы – стирка, штопка, чистка унитазов, мытье полов, в некоторых случаях (не во всех) – удовлетворение сексуальных потребностей остальных заключен-

угрозы – готовой к переориентации на мораль социального порядка, что, помимо гомогенизации, чревато закрытостью и соответствующим ростом ингрупповой лояльности в сочетании с аутгрупповой враждебностью, что в конечном итоге с большой вероятностью может привести к стагнации в развитии группы. В качестве фактора, который делает возможным подобный поворот в эволюции группы, как мы полагаем, может рассматриваться партикуляристская ориентация группы.

Ориентация группы на универсалистские или партикуляристские нормы представляется нам принципиально важным измерением качества социальной сплоченности. Размышления зарубежных и отечественных социологов, в том числе изложенные в первой главе настоящего издания, позволяют утверждать, что конструктивный характер групповая сплоченность приобретает только в случае соответствия ценностно и морально обусловленных групповых норм универсальным, абстрактным, надгрупповым правилам, разделяемым всеми социальными субъектами. Этот универсалистский характер содержания и формы групповой жизни позволяет группе избежать или более эффективно разрешить противоречия, неизбежно возникающие даже в сообществах, ориентированных на мораль социальной справедливости – как было продемонстрировано в ходе анализа интервью с представителями молодежного фольклорного движения и заключенными («борцы»). Суть обсуждаемого противоречия состоит в следующем: группа, ориентированная только на рост собственного благополучия (независимо – т.е. не в ущерб благополучию других), рискует оказаться в социальной изоляции и в ответ на это ослабление внешних связей начинает трансформировать механизмы формирования групповой идентичности: возрастает конформность индивидов по отношению к группе, растет степень ингрупповой лояльности, формируется представление об опасности внешней среды (воспринимаемая угроза) и, как следствие – аутгрупповая враждебность. В результате моральные механизмы сплочения перерождаются – место морали социальной справедливости занимает мораль социального порядка. В то время как ориентация на универсалистские ценности и следование надгрупповым нормам (и, возможно, согласование групповых норм с ними) становятся относительно надежной защитой, укореняя группу в поле социальности.

Обсуждение выявленных противоречий/нестыковок с теоретической моделью дало возможность уточнить модель разнообразия форм сплоченности. Измерение, основанное на дифференциации **морального фундамента** сплоченности на мораль социального порядка («сплоченность *против*...») и мораль социальной справедливости («сплоченность *во имя*...»), с целью более точного понимания степени и типа сплоченности мы предлагаем дополнить еще тремя измерениями:

1. **Горизонтальность/вертикальность** – позволяет рассматривать сплоченность как фактор, определяющий характер и эффективность управления группой: горизонтальная сплоченность определяет характер отношений между членами группы, обладающими сходным социальным статусом, вертикальная – между субъектами с разным статусом.

2. **Сплоченность на уровне установок и поведения** – позволяет разделить когнитивно-эмоциональные и поведенческие выражения сплоченности: представления, ожидания, установки, с одной стороны, и опыт конкретных действий, направленных на поддержание и укрепление групповой сплоченности – с другой.

3. **Универсализм/партикуляризм** – позволяет оценить перспективы интеграции группы в более широкий социальный контекст и прогнозировать возможные направления эволюции группы.

Теоретический анализ концепта сплоченности и результаты качественного исследования не дают возможности точно определить характер связи между описанными параметрами, в частности вопрос о том, является ли категоризация сплоченности по моральному основанию независимой от категоризации по степени универсализма, остается открытым. Предлагаемая нами уточненная схема ориентирована на применение на мезоуровне, т.е. при измерении социальной сплоченности во вторичных социальных группах, характеризующихся общностью выполняемых задач: профессиональные группы, трудовые коллективы, общественные движения, религиозные общины, клубы по интересам, диаспоры, сельское/пригородное поселение и т.п. Однако представленная схема требует проверки в рамках количественных исследований с охватом более широких и более разнообразных общностей, в том числе и для выявления характера взаимосвязи между описанными параметрами.